

Занимаясь историей народов древнего Востока, вы легко поймете, почему на Востоке не могла созреть мысль о всеобщей истории; она могла развиться только при^а высшем сознании личности всего человечества^а.

Доселе пребывает Восток в неподвижности. Взгляните на древние произведения индийской поэзии, которые вместе и история, в ней не найдете вы определенности фактов, хронологического порядка и резкого изображения исторического хода событий — нет в ней ни света, ни теней. Другой восточный народ, имеющий богатую историческую литературу, — китайцы: но и она не возвысилась над историей национальной. И как мог народ, смотревший на себя как на центр вселенной и отчуждавший себя от других народов, достигнуть значения истории всеобщей.

Но есть между этими двумя народами Востока, несмотря на противоположность их духа, одна общая характеристическая черта — это расточительность, с которой они употребляют столетия; китайцы возводят свою историю до нескольких десятков тысячелетий, индийцы даже до нескольких сотен тысячелетий. В этом таится глубокий смысл, доказывающий, что народы Востока не привыкли ценить главное благо — время, они не дорожат им. В истории европейской, напротив, события теснятся; начиная с древних историков-художников, отличающихся искусством изложения и рассказа, до средневековых монахов, тщательно, но сухо записывающих слухи, доходящие до их монастыря, везде, говорю я, у всех европейских бытописателей видно старание со всевозможной точностью определить время.

Только на рубеже истории Востока является исторический памятник, в исследовании которого надобно углубиться, — это св. Библия. Ветхозаветные книги, особенно последние, не говоря о их святом характере, представляют важность памятника исторического. Но настоящая классическая почва истории — Европа. История есть растение, растущее не на всякой почве и не при всяких условиях. Даже греческая историография, несмотря на всю ее художественность и изящность в рассказе, не сходит со степени истории национальной. Взгляните на девять книг Геродота^б, вы увидите, что цель его была рассказать персидскую войну, и он обращает все внимание на греков, он останавливается на истории только таких других народов, которые были в соприкосновении с греками, только это дает им право на внимание историков.

Это гордое отличие между эллином и варваром мешало развитию идеи о всеобщей истории; и мог ли ее понять грек при таком отчуждении своего народа от всего человечества.

^{а-а} С I: в среде, уразумевшей свое прошедшее (л. 2).

^б На л. 3—5 обширные примечания подлинника (биографические данные о Геродоте, Полибии, Диодоре Сицилийском, извлечения из их сочинений) опускаются. В рукописи В. Собчакова (ЦГАЛИ, ф. 152, оп. 1, ед. хр. 1, л. 2, 2 об.; 3) эти примечания отсутствуют.